

УДК: 002:63

Векторы развития российского Дальнего Востока в условиях информационного пространства

Александр Павлович Герасименко,
кандидат исторических наук, заведующий
отделом информационных техно-
логий ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ihaefe@yandex.ru

В статье оценивается уровень проникновения глобальной сети в жизнь общества, рассматривается специфика развития информационного общества на Дальнем Востоке, приводится модель информационно-коммуникационного социального пространства и освещается эволюция сетевой информационной среды региона.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальное пространство, глобальная сеть, социальные коммуникации.

The vectors of the Russian Far East's development in the information environment.

Alexander P. Gerasimenko, Cand. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok.

The article estimates the level of penetration of the global network into social life. It considers the peculiarities of the information society in the Far East showing information and communication model of social area and highlighting the evolution of networked information environment of the region.

Key words: information society, virtual space, global network, social communications.

Иntenсивное расширение информационного и коммуникационно-го пространства вызвало в начале нового тысячелетия ряд социальных процессов, которые продемонстрировали существенно возросшую роль глобального информационного поля. Эти процессы застали врасплох государственные структуры некоторых стран, в том числе высокоразвитых. Запущены процессы построения новых социальных структур. Сложившиеся в XX в. экономические структуры стремительно адаптируются к новым информационным условиям, политические — подвергаются эрозии. Мы наблюдаем рост социальной активности, в том числе про-

тестных настроений по всему миру, и истоки этого роста формируются отнюдь не в кварталах сельской или городской бедноты. Перед научным сообществом встаёт проблема выявления закономерностей влияния информационного пространства на общество, оценка его роли в историческом контексте, модернизационных возможностей, в том числе и в региональном измерении.

Расширение информационного и коммуникационного поля в России имеет под собой две основы: быстрое проникновение новых технологий, подключение населения страны к открытому общемировому информационному пространству. Если первое для России было ожидаемо, то второе — это абсолютно новые информационные условия для её граждан. Прошедшее столетие отмечено печатью жёстких идеологических норм, цензурой и дозированной подачей утверждённой государством информации. Несколько поколений российских граждан выросли в условиях тотальной информационной блокады. Поэтому далеко не всеми осознаны даруемые информационной свободой возможности и налагаемая ею ответственность. В условиях политической и экономической неопределённости, расцвета потребительской идеологии, презрения норм морали население России представляет собой податливый социальный материал, готовый превратиться в «умелых руках» в инструмент влияния религиозной, националистической или другой направленности. В результате мы наблюдаем, как российское общество расслаивается. Однако открытое информационное пространство порождает не только естественный или искусственно созданный конфликт интересов. Важнейшим, а может быть и основным, для индивидуума является процесс формирования его идентичности, который в настоящее время по крайней мере частично протекает в виртуальной среде, технологической основой которой является глобальная сеть.

В России социальное влияние сети стало ощущаться уже в XXI столетии. Быстрый рост количества пользователей отражал, с одной стороны, её востребованность населением, предпринимателями, структурами образования и др., с другой — это экономически выгодный проект. В первом квартале 2012 г. в мире было зафиксировано около 2,3 млрд пользователей Интернета (уровень проникновения 32%) [5]. Среди пользователей сети преобладала молодёжь: почти половина из них младше 25 лет. Мировым лидером по числу пользователей среди отдельных стран является Китай — 513 млн чел. (уровень проникновения 38%). Россия занимает одно из лидирующих мест в Европе — 61 млн пользователей (уровень проникновения 44%). На российском Дальнем Востоке в Интернет регулярно выходят 2,2 млн чел. (уровень проникновения 37%).

Впечатляет динамика сетевой активности. Число веб-сайтов в мире на конец 2011 г. превышало 555 млн. Количество аккаунтов электронной почты составило 3,15 млрд. Среди социальных сетей лидером по числу пользователей остаётся Facebook, насчитывающий более 800 млн аккаунтов, из которых 200 млн были созданы в 2011 г. В сервисе микроблогов Twitter насчитывается 225 млн аккаунтов, в день пользователи сервиса

отправляют порядка 250 млн сообщений [4]. В социальной сети ВКонтакте зарегистрировано более 100 млн аккаунтов, из них приблизительно 77 млн в России. На российском Дальнем Востоке также активно пользуются этой социальной сетью: во Владивостоке на февраль 2012 г. зарегистрировано 182 тыс. участников, в Хабаровске — 206 тыс. Среднемесячный прирост участников сети — 2—3%. Для информационного обмена кроме социальных сетей и блогосферы активно используются средства текстовой, аудио- и видеосвязи в сети, например система Skype. Для выхода в глобальную сеть всё активнее используются устройства мобильной связи.

Таким образом, уже более половины населения России присутствует в общемировом сетевом информационном пространстве. Это пространство представляет собой громадный массив разнообразных доступных источников информации, а также сеть независимых социальных коммуникаций. Оно независимо, но подконтрольно. Независимо, потому что в этом идеология и технология его существования. Подконтрольно, потому что в обществе присутствует такой важнейший фактор, как информационная политика участников социальных процессов. Независимость и подконтрольность находятся в постоянном конфликте, который в большинстве проявлений имеет латентный характер.

Для оценки социального влияния информационного поля историком необходимо выделить социальную основу развития информационного общества — сеть и созданное в ней виртуальное пространство. Эти понятия вызывают у социальных исследователей трудности в определении и оценке, поскольку перед ними встаёт задача анализа процессов социальной коммуникации совершенно нового качества, быстро трансформирующей мировоззрение человека, институты и практики современного общества. В качестве исходных концепций представляют интерес теоретические работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, П. Бурдьё, Н. Лумана, М. Кастельса. Термин «ризома», использованный первыми двумя исследователями, означает хаотическое переплетение человеческих коммуникаций и в широком смысле может служить образом мира, который полицентричен, т.е. в нём отсутствуют централизация, упорядоченность и симметрия.

Согласно социологической концепции П. Бурдьё [1] сеть — один из основных способов, посредством которых достигается эффект структурирования социальных влияний в обществе. Место в сплетении разномерных сетей, которое потенциально может занять каждый, получает у него название «габитус» — массив ролевых функций и зависимостей в условиях многомерных коммуникаций. Общество представляется как совокупность габитусов, которые вместе определяют структуру социальности, совокупность классов и социальных практик в обществе. Согласно теории Н. Лумана мир оказался «...вплетён в сеть регулярных коммуникативных отношений» [2]. По его мнению, информация есть то, что изменяет порождающую её коммуникацию и влечёт за собой появление новой коммуникации.

В основе концепции сетевого общества М. Кастельса лежит представление об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы. Учёный констатирует факт трансформации социальности в современном обществе [3]. Это прежде всего рост «сетевого индивидуализма», поддерживаемого кризисом патриархальности и последующим распадом традиционной нуклеарной семьи, а также новыми моделями урбанизации и кризисом политической легитимности.

Российский Дальний Восток — территория, имеющая свою специфику информационного развития. Для оценки влияния информации в российском обществе, в том числе и в региональном измерении, перед учёными стоит задача построения социально адаптированной модели информационного пространства, отражающей структуру и характер социальных взаимодействий в контексте информационных процессов. При этом анализ социальных процессов последнего времени, особенно событий 2011 г. в арабских государствах, показывает, что при построении модели было бы логично отойти от техноцентричности и привязки к строгой математической логике. Необходимо построение социоцентричной модели информационного пространства с учётом элементов и тенденций социокультурной эволюции отдельных сообществ, социальных групп, проживающих на территории, исторического опыта их развития, которая представляла бы собой многомерное пространство социальных коммуникаций с нечёткой логикой и субстантивной, т.е. интегрированной в мировоззрение индивидуума рациональностью.

Структура нашей модели информационного пространства включает две основные составляющие — информационные потоки и социальную среду для их распространения. Среда — это области устойчивой социальной рефлексии на динамично меняющееся информационное поле. К ним можно отнести этническую, национальную, религиозную, а также область потребления (назовём их информационными стратами). Их совокупность в определённой степени отражает социальную стратификацию территории. Информационные страты существуют в социальной среде одновременно, параллельно и в состоянии суперпозиции. Их связывает ряд информационных областей, которые назовём полями социальной консолидации: профессиональной, гендерной, доходной и т.д. Естественно, модель информационного пространства должна отражать интенсивность и направление информационного потока. Потоки проходят как внутри страт, так и пересекают их. Мы делим информационные потоки на два типа: вертикальные (формируемые структурами власти) и горизонтальные (формирующиеся внутри информационных страт и между ними). В условиях тотального удешевления технических средств доступа в Интернет подавляющее большинство социально активного населения региона будет включено в сеть, поэтому интенсивность регионального информационного потока внутри страт будет зависеть прежде всего от плотности населения региона, его возрастного состава, уровня образования и т.д. Примерная структура информационного пространства в России в двух временных срезах (1970—1980 и 2000—2012) показана на рис. 1, 2.

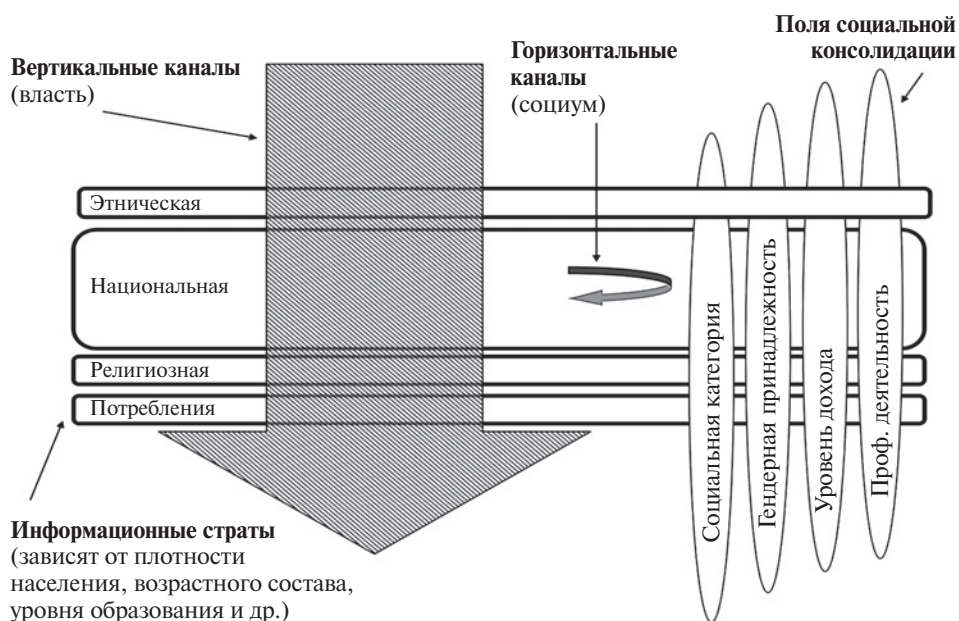

Рис. 1. Структура информационно-коммуникационного социального пространства (70—80-е гг. XX в.)

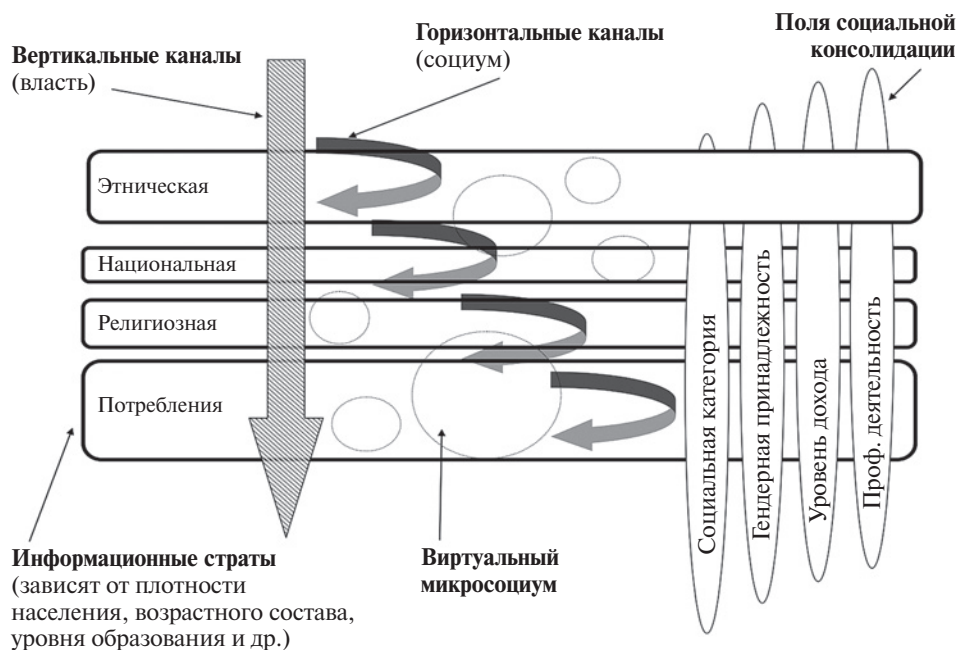

Рис. 2. Структура информационно-коммуникационного социального пространства (2000-е гг.)

Сравнивая модели информационного пространства периода «развитого социализма» и современного периода «перехода к демократии», можно отметить разный размер информационных страт. К настоящему времени сократилась национальная страта, расширились этническая и религиозная и очень значительно — страта потребления. Также отметим относительное сужение вертикальных информационных потоков и расширение горизонтальных. Основным отличием, которое мы наблюдаем, является появление в новом столетии социальных образований, которые мы назовём виртуальными микросоциумами.

Виртуальные микросоциумы — это генерируемые в виртуальной среде области социальной активности, энергетически подпитываемые средой и имеющие независимый от власти формат существования. Впервые в истории человечества появилась общемировая открытая информационно-коммуникационная среда, в которой в принципе нельзя доминировать методом контроля, подавления или изоляции, так как она является массовой, доступной и может быть анонимной. Пугающим власти феноменом является то, что практика виртуального общения стремится трансформироваться в социальные практики. Некоторые из них мы уже наблюдаем, и далеко не все из них имеют негативный характер. Очевидно, однако, что трансформация виртуальной активности в продуктивную социальную практику в любом регионе, в том числе и в дальневосточном, возможна при условии достижения достаточного уровня плотности населения. А плотность заселения различных территорий России и мира может быть разной. Так, например, Хабаровский край и Московская область различаются по этому параметру почти на два порядка (сравнительная плотность населения некоторых территорий мира показана в табл. 1).

Информационное пространство российского Дальнего Востока является частью мирового информационного пространства, его генерация происходит на территории региона, однако не ограничивается им. Одна из

Таблица 1

**Плотность населения некоторых стран и регионов мира,
а также российского Дальнего Востока**

Наименование региона, населённого пункта	Плотность населения, чел./кв.км
Приморский край (РФ)	11,0
Хабаровский край (РФ)	1,7
Тунис	62,0
Египет	74,0
Франция	115,0
Москва	10 000,0
Московская область	154,0
Санкт-Петербург	3500,0
Нью-Йорк	7000,0
Провинция Хэйлунцзян (КНР)	83,0
Провинция Цзилинь (КНР)	145,0

особенностей региона — постоянно присутствующая тенденция миграционного оттока коренного русскоязычного населения и замещение его другим. При этом растёт этническая информационная страта. Сокращение русскоязычного населения вызывает уменьшение национальной информационной страты. С изменением этнического состава населения вероятно и качественное изменение региональной религиозной страты. Это относится прежде всего к исламу, который, по мнению Самюэля Хантингтона, сейчас «наиболее быстро растущая религия в мире». В подтверждение отметим быстрые темпы роста мусульманского населения традиционно христианских регионов — Западной Европы и Северной Америки. Общее количество мусульман в мире в настоящее время составляет, по разным оценкам, от 1,2 млрд до 1,5 млрд чел. В условиях количественного роста нерусскоязычного этноса региональная информационная среда естественным образом будет подвержена влиянию, что, вероятно, вызовет генерацию социальных практик смены экономического и политического доминирования в регионе. Информационные потоки, охватывающие всё виртуальное пространство и формирующиеся на пересечении виртуальных микросоциумов, мы назвали новым вертикальным каналом (см. рис. 3). Новый канал направлен на вытеснение действующего вертикального канала власти. В условиях информационной свободы такой социальный инструмент обязательно будет сгенерирован в виртуальной среде. Однако его влияние в обществе зависит от реальной социальной практики действующей власти.

Отметим близость и сильнейшее влияние на регион стран Юго-Восточной Азии. Пространство потребления будет сильнее тяготеть и адап-

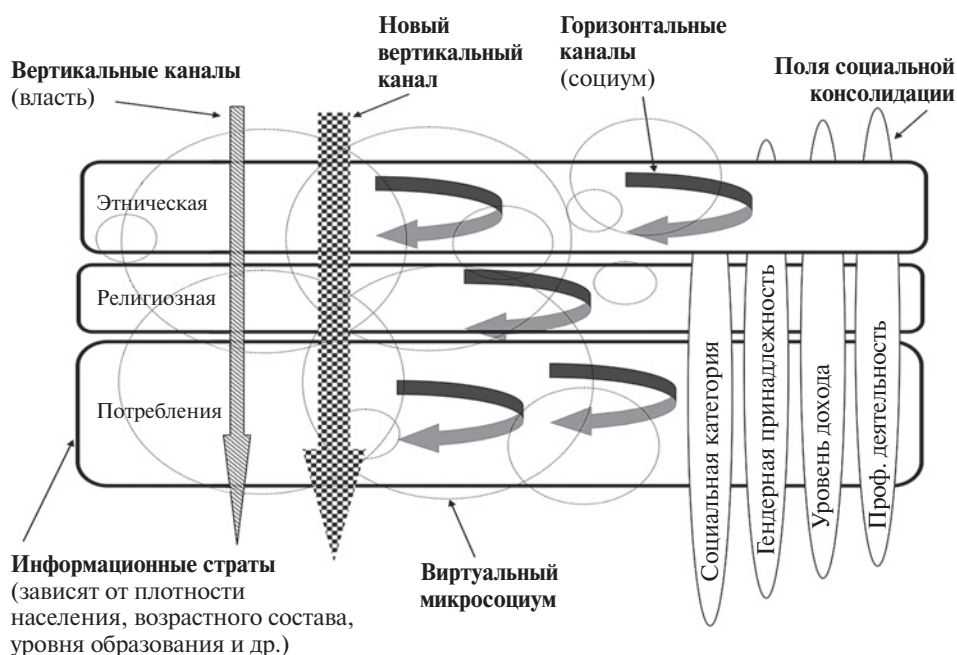

Рис. 3. Возможная структура информационно-коммуникационного социального пространства через 10–20 лет

тироваться к нашему великому восточному соседу — КНР, встречая при этом взаимность. Альтернативы этой тенденции пока нет. Близость и доступность китайского рынка отражается в информационном поле, расширяя страту потребления в региональном социуме, двигаясь в направлении дальнейшей интеграции с ним, разумеется, при условии снижения стоимости услуг.

Таким образом, информационное влияние на будущее дальневосточного региона России в случае его развития и демографического роста станет формироваться в двух информационных стратах — этнической и потребительской. Федеральной власти придётся прикладывать усилия для поддержания региона в состоянии политической и социальной стабильности путём погашения центробежных тенденций на этно-религиозной и потребительской основе. Учитывая изменяющийся этнический состав населения и сильнейшее влияние восточноазиатских соседей, сделать это нелегко.

В целом информационное пространство, отражая наиболее востребованную для активных социальных групп региона модель развития, формирует виртуальные инструменты для реализации этой модели. В то же время информационные потоки из-за рубежа стимулируют региональное виртуальное пространство в своих интересах, которые могут меняться в зависимости от общественно-политической и экономической ситуации. Однако, как я отмечал ранее, практика реальных социальных перемен в регионе зависит от плотности проживающего населения, которая имеет выраженную тенденцию к снижению. В новых информационных условиях виртуальное пространство будет отражать социальную действительность и социальные ожидания, в том числе и негативные настроения. Однако вряд ли виртуальная среда на Дальнем Востоке превратится в фактор, вызывающий социальный резонанс.

Сравнительный анализ мировой виртуальной активности даёт основания предположить, что в данных демографических условиях какие-либо дестабилизирующие социальные явления в дальневосточном регионе, вызванные информационными полями, маловероятны. Тем не менее для поддержания стабильности информационного пространства российского Дальнего Востока у власти есть только один путь — обеспечить доминирование русскоязычного населения, что может быть достигнуто грамотной политикой поддержки развития региона, привлечением активных, образованных, ориентированных на долговременное проживание граждан России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 2. URL: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.
2. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 327 с.
4. Internet-2011-in-numbers. The Royal Pingdom. URL: <http://royal.pingdom.com/2012/01/17/internet-2011-in-numbers>.
5. Internet World Stats. International website. URL: <http://www.internetworldstats.com>.